

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

Сообщения Ростовского музея

Выпуск XXVIII

Ростов
2023

УДК 94(470.316-21)(082)

ББК 63.3Яр

С63

Сборник научных статей
«Сообщения Ростовского музея» выходит с 1991 года

Научный редактор Я. Е. Смирнов

Сообщения Ростовского музея. Выпуск XXVIII /
С63 Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». —
Ростов, 2023. — 248 с. : ил.
ISBN 978-5-6046011-8-1

УДК 94(470.316-21)(082)

ББК 63.3Яр

ISBN 978-5-6046011-8-1

© Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль», 2023

Содержание

Каретников А. Л., Верин А. В., Каретникова В. А., Попова М. А., Тарарака З. В. (Ростов). Новые данные о границах селища XIII–XVI вв. у с. Филимоново (место погоста Марии Египетской).....	5
Мельник А. Г. (Ростов). Когда Борисоглебская половина Ростовского княжества была присоединена к Москве?	44
Полознев Д. Ф. (Ярославль). Атрибуция печатных изданий в описях Ростовского архиерейского дома XVII в.	51
Морозов А. Г. (Ростов). Контракты поставки с Ростовской ярмарки продуктов и материалов для Балтийского флота в начале XIX в.	69
Букреева О. В. (Ростов). К вопросу о вкладах А. И. Аргамаковой и П. А. Ушаковой в Спасо-Яковлевский Дмитриев монастырь	75
Морозов А. Г. (Ростов). Поречье-Рыбное Ростовского уезда как место увековечения памяти трех российских императоров	90
Чекмасов Д. Н. (Ярославль – Ростов). Книжный репертуар ростовской типографии А. Х. Оппеля (1897–1917).....	102
Морозова П. А. (Ростов). Описание церкви Спаса Нерукотворного села Климатино Ростовского уезда 1919 г.....	132
Печкина Л. В. (Ростов). Пруды Ростовского кремля.....	139
Леонов Д. Е. (Ростов). К истории Ростовского музея в 1920–1930-е гг. Следственное дело Д. А. Ушакова, Н. Н. Ржевского, В. А. Талицкого, П. С. Иванова из собрания Государственного архива Ярославской области	163

Степанов К. А. (<i>Ростов</i>). Некрополи Ростова Великого в конце XVIII – первой четверти XXI века: страницы истории	191
Пуцко В. Г. (<i>Калуга</i>). Из прожитого	237
Список сокращений.....	246

НЕКРОПОЛИ РОСТОВА ВЕЛИКОГО В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Степанов Константин Анатольевич,
кандидат исторических наук,
Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль», г. Ростов,
k.a.stepanov@mail.ru

В конце XVIII – начале XIX в. в Ростове находились Богоявленское и Никольское кладбища. В XIX в. мест для захоронений там стало не хватать, поэтому городские власти открыли новые погосты в Спас-Графской и Варницкой слободах. В годы Первой мировой войны в городе появляется братское кладбище. До октябрьского переворота городскому и земскому самоуправлениям, при участии Церкви, удалось открыть и содержать 10 кладбищ, на которых некоторое время хоронили и после 1917 г. Умерших погребали и при Богоявленском Авраамиевом, Петровском и Спасо-Яковлевском монастырях.

С приходом к власти большевиков церкви и обители стали закрывать, а духовенство оттуда изгонять. Некрополи у кладбищенских церквей и в монастырях к тому времени были достаточно «изрыты» могилами. Неухожженность погостов, отсутствие мест для захоронений привели к их закрытию.

В 1929 г. местная исполнительная власть вынуждена была открыть новый погост у Юрьевской слободы. Но и он к 1949 г. оказался переполненным, и тогда под кладбище отвели место справа от дороги Ростов – Варницы. На нем хоронили до 1989 г., но из-за многочисленных погребений вынуждены были открыть новый некрополь на участке земли слева от этой дороги. К началу 2000-х гг. и на этом погосте мест стало не хватать. Нужного участка в окрестностях Ростова найти не удалось, поэтому в 2003 г. кладбище было открыто у п. Судино, что около 9,5 км от Ростова. После передачи Церкви городских монастырей в двух частичные захоронения для насельников возобновились.

Ключевые слова: Ростов, слобода, Варницкая, Спас-Графская, Спас-Песковская, кладбище, Никольское, Преображенское, Спасское, военное, старообрядческое, еврейское, инородческое, больничное, братское, новое, монастырь, Богоявленский Авраамиев, Петровский, Спасо-Яковлевский, разряд, деньги, захоронение.

NECROPOLISES OF THE ROSTOV GREAT CITY AT THE END OF THE 18TH – FIRST QUARTER

OF THE 21ST CENTURIES: PAGES OF HISTORY

Stepanov Konstantin Anatolievich,
Candidate of Historical Sciences,
Rostov Kremlin State Museum-Reserve,
k.a.stepanov@mail.ru

In Rostov there were Epiphany and Nikolskoye cemeteries at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries. In the 19th century there were not enough places for burials there, so the city authorities opened new graveyards in Spas-Grafskaya and Varnitskaya Sloboda. During the First World War, a brotherly cemetery appeared in the city. Before the October revolution, the city and zemstvo self-governments, with the participation of the Church, managed to open and maintain 10 cemeteries, in which they were buried for some time after 1917. The dead were buried at the Epiphany Avraamiev, Petrovsky and Spaso-Yakovlevsky monasteries.

With the Bolsheviks coming to power, churches and monasteries began to be closed and the clergy expelled from there. By that time, the necropolises near cemetery churches and monasteries were quite “dug up” with graves. The unkempt nature of the graveyards and the lack of burial places led to their closure.

In 1929, the local executive power was forced to open a new graveyard near Yuryevskaya Sloboda. But by 1949, it also turned out to be overcrowded, and then a place was allocated for the cemetery to the right of the Rostov-Varnitsa road. They were buried there until 1989, but due to numerous burials they were forced to open a new necropolis on a piece of land to the left of this road. By the beginning of the 2000s. and there were not enough places in this graveyard. It was not possible to find the required plot in the vicinity of Rostov, so in 2003 the cemetery was opened near the village of Sudino, which is about 9.5 km from Rostov. After the transfer of the city monasteries to the Church, partial burials for monks resumed.

Keywords: Rostov, settlement, Varnitskaya, Spas-Grafskaya, Spas-Peskovskaya, cemetery, Nikolskoye, Preobrazhenskoye, Spasskoye, military, Old Believer, Jewish, foreign, hospital, fraternal, new, monastery, Epiphany Avraamiev, Petrovsky, Spaso-Yakovlevsky, discharge, money, burial.

История городских некрополей г. Ростова Ярославской губернии интересна, поэтому не случайно, что она привлекает к себе внимание исследователей. В статье К. Степанова говорится о проведенном осенью 1989 г. снятии части культурного слоя на территории Яковлевского филиала Ростовского музея (бывший Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь). Во время этих работ у южной церкви Зачатия св. Анны была обнаружена черная гранитная плита с надписью: «Под сим камнем погребено тело дочери надворного советника Елизаветы Павловны Татищевой, скончавшейся 1854 года 11 февраля на 76 году от рождения. Господи, прими дух ея с миром» [48]. Эта плита была частью монастырского не-

крополя, который после закрытия обители подвергся варварскому разграблению и разрушению. В опубликованных Л. Ю. Мельник мемуарах С. А. Соколова содержатся сведения о бывших в «дореволюционное время» в Ростове некрополях при Яковлевском (было 2), Авраамиевском, Варницком, Петровском мужских и Рождественском женском монастырях, а также о Воржищевском, «Царя-Константина и Спаса-Графа» городских кладбищах [8, с. 250]. Автор воспоминаний отмечал, что в «течение 25 лет революции все они закрыты, а некоторые уничтожены совсем», новое Юрьевское кладбище в годы войны «быстро заполняется покойниками», но пока не выросла там «растительность, погулять живым негде», а на старые кладбища многие ходили «погулять и отдохнуть» [8, с. 250, 251]. В заметке Ю. Крошевой упоминается о сваленном на землю у ростовской Крестовоздвиженской церкви памятнике потомственной почетной гражданке Любове Ивановне Кайдаловой, скончавшейся весной 1896 г. [9]. Крошевой не удалось узнать точное место захоронения, поэтому она предполагает, что оно могло быть у этой церкви, или же в советское время памятник «приволокли» с другого некрополя в качестве строительного материала.

А. Е. Веденева рассказывает о захоронениях в Спасо-Яковлевском Димитриевом первоклассном мужском монастыре, на ее взгляд, одном из «самых значимых» [5, с. 78–112]. На основании архивных документов ею были выявлены более 380 лиц, погребенных в обители. В приведенном перечне указаны возраст, время жизни, места расположения могил, что, по мнению автора, позволило достаточно полно реконструировать основную часть некрополя. Занимаясь изучением храма Николы во Ржищах, она выявила имена около 2 тыс. чел., чьи могилы 100–150 лет назад находились у церкви, а также выполнила «словесную» реконструкцию «основной части Никольского некрополя на время, относящееся к последней четверти XIX – началу XX вв.» [4, с. 37–39].

Другое исследование А. Е. Веденева посвящено самому большому городскому кладбищу при церкви св. Николая Чудотворца во Ржищах, которое по указу ростовского архиепископа Самуила от 22 марта 1778 г. официально получило статус общегородского [6, с. 19–83]. В статье приводится подробный список погребенных на этом некрополе. По свидетельствам автора, места для могил, по мере надобности или заблаговременного резервирования, предоставлялись церковным причтом за «определенную плату», что способствовало образованию целых «комплексов» родовых и фамильных захоронений. Говоря о памятниках павшим героям в годы Великой Отечественной войны, установленным на территории Ростовского района, О. Алешина сообщает и об открытом в 1966 г. обелиске на городском кладбище в Юрьевской слободе [1].

Используя данные паспортизации Воинского кладбища Советской армии, выполненные Управлением охраны исторических и археологических памятников в 1951 г., Л. Ю. Мельник (автор в издании не указан)

отметила, что на основании решения исполкома Ростовского горсовета от 19 марта 1949 г. «Об увековечении памяти погибших воинов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», воинское кладбище в 1949–1950 гг. было обустроено, а в 1951 г. оформлен статус исторического памятника – «Воинское кладбище города Ростова» [12]. Наглядное представление о месте воинских захоронений дают 2 фотоснимка. Однако тема не исчерпана. Настоящее исследование призвано несколько восполнить пробел сведений о городских кладбищах.

Целью исследования является освещение деятельности городских некрополей в конце XVIII – первой четверти XXI вв., изучение причин, приведших к закрытию и последовавшему затем уничтожению большинства кладбищ.

Умерших ростовцев в конце XVIII в. хоронили при Петровском, Богоявленском-Авраамиевом, Спасо-Яковлевском монастырях и двух городских кладбищах – Преображенском и Никольском во Ржищах, расположенных, соответственно, на северной и западной окраинах Ростова. Увеличение населения города, размещение в городе воинских частей, расширение медицинского стационара сказывались на росте умерших и, как следствие, на недостатке мест на указанных погостах. Это повлекло открытие в XIX в. погостов при церкви Спаса Всемилостивого в Спас-Графской слободе, в Варницкой слободе при Воскресенской церкви, рядом с ней – единоверческого, инородческого, военного, больничного, еврейского. В годы Первой мировой войны в Ростове был открыт братский некрополь. В воспоминаниях Соколова указано и кладбище при Рождественском женском монастыре, однако при работе с метрическими книгами обители за 1852, 1857 и 1868–1880 гг. удалось выяснить, что умерших в монастыре и находившейся рядом Титовской богадельне хоронили на Преображенском, Никольском, что во Ржищах и Воскресенско-Варницком погостах [20, л. 1–2 об., 7–10 об., 17–22, 23–28; 21, л. 1–4, 5–9, 10, 11–15, 16, 17–21, 22, 23–34, 37–42, 43–48; 26, л. 1–4; 28, л. 1–6]. Впрочем, умершую 24 мая 1869 г. от «троекратного аполексического удара» жену «местнаго священника» Аристарха Израилева Александру Герасимову, 48 лет, погребли 27 мая на «кладбище в Авраамиевом Богоявленском монастыре» [20, л. 8 об., 9]. 22 марта 1872 г. там похоронили ростовскую мещанскую девицу Агрипину Евдокимову, 90 лет, 28 декабря 1877 г. – послушницу Рождественского монастыря Евдокию Герасимову, 80 лет (обе умерли от «преклонности лет»), 26 сентября 1878 г. – монахиню обители Магдалину Яковлеву, 61 года (умерла от чахотки), 13 апреля 1880 г. – послушницу обители «из дворян» Евдокию Титовку Яковлеву, 81 года (умерла от «преклонности лет») [21, л. 1а об., 1, 26 об., 27, 31 об., 32, 43 об., 44]. Видимо, небольшой некрополь при монастыре был, но там хоронили только некоторых ее насельниц и доброхотных дателей, сделавших значительные вклады в обитель.

Кладбище при Никольской церкви во Ржищах. Одним из 2-х действующих в 70-х гг. XVIII в. городских некрополей был при Никольской церкви во Ржищах. Сведения об этом содержатся в письме благочинного г. Ростова священника Николоворжищенской церкви о. Порфирия Михайлова от 23 июня 1827 г., написанным в Ростовское духовное правление в ответ на поступивший оттуда указ от 21 июня за № 774. В письме значится, что указом Ростовского духовного правления от 22 марта 1778 г. за № 510-м разрешалось «быть при церкви Никольской¹, состоящей от города в самом поле кладбищу для погребения умерших» [24, л. 3]. На этом погосте хоронили «посредственного и бедного состояния» городских обывателей, проживавших в западной половине Ростова, а на Преображенском (см. ниже) – в восточной половине [6, с. 19].

К началу 1880-х гг. погост с западной стороны города оказался переполненным. Это было связано с тем, что при Никольской церкви во Ржищах хоронили не только ростовцев, но и жителей Спасо-Песочной слободы Шулецкой вол. В метрических книгах Никольского храма содержатся сведения о захоронениях в это время около 10 чел. в год, в т. ч. и умерших в Ростовской уездной земской больнице. Так, 26 февраля 1880 г. врач больницы Дмитрий Дувакин отправил священнику Николоворжищенской церкви о. Дмитрию Фелицыну «сведение», в котором сообщил об умершей 25 февраля от чахотки ростовской мещанской вдове Надежде Ивановне Мачтиной, 45 л., находившейся на излечении с 24 января [31, л. 45]. От имени конторы больницы он просил предать усопшую земле по христианскому обряду на кладбище при «Вашей церкви». 8 марта 1880 г. в «свидетельстве» за № 69 уездный врач Э. Керковиус сообщил священнику Фелицыну об умершей «7-го числа» от воспаления селезенки вольнопрактиковавшей в Ростове акушерке Эмили Федоровне Киршенфельд, 54 л., жительницы г. Феллина Лифляндской губ. [31, л. 46]. Хоронили при храме св. Николая Чудотворца, что во Ржищах, жителей и из уезда, которые скончались в больнице. 14 декабря 1881 г. аналогичное «свидетельство» Делицыну написал уездный исправник для погребения на приходском кладбище умершей в Ростовской земской больнице от порока сердца Марье Николаевой дочери, Соколовой, 22 л., крестьянки д. Петровка Нажеровской вол. Ростовского у. [31, л. 46].

С 1 февраля по 27 сентября 1879 г. священник Фелицын с помощью диакона Иоанна Казанского, дьячка Александра Боголюбского и пономаря Алексея Лебедева, совершил погребение на приходском некрополе 10 чел., из них 1 «духовного звания», 1 купец, 3 мещанки, 4 мещанина и 1 военный; с 25 февраля по 16 декабря 1880 г. – 11 чел., в т. ч. 1 купец, 2 мещанина и 3 мещанки, 2 крестьянина и 2 крестьянки и 1 военный; с 9 февраля по 15 декабря 1881 г. – 8 чел., в т. ч. 1 «духовного звания»,

¹ Николоворжищенская церковь была построена в конце XVIII или на рубеже XVIII и XIX вв., освящена 9 мая 1804 г. [51].

купчиха, мешанка, 4 крестьянина и 1 крестьянка [31, л. 18 об.—23, 25, 44 об.—54, 58, 61 об.—83, 86]. Записи, как и в метрической книге кладбищенского храма, делали и в ряде других городских церквей, при которых не имелось погостов. Например, в метрической книге церкви Рождества Пресвятой Богородицы в девичьем монастыре за 1852 г. содержатся данные о погребенных на Никольском погосте 12-ти жителей Ростовского уезда [26, л. 1—4].

Чтобы поспособствовать расширению некрополя, слободские крестьяне через исправника, предварительно согласовав вопрос с ним, обратились в городское самоуправление с просьбой о включении в его черту выделенный ими земельный участок. 8 июня 1881 г. на заседании Ростовского городской думы рассматривался их приговор от 29 марта 1881 г. об отводе земли для увеличения погоста, а также рапорт уездного исправника от 13 декабря 1880 г. за № 2425 о приближении некрополя к жилищам [17, л. 109 об., 110]. По сведениям исправника, с одной стороны погоста в домах (удалены на 10,5 с) проживал церковный причт, с другой с отступом на 10 с располагались дома частных владельцев, с 3-й пролегла улица и находилась пустопорожняя земля на «расстоянии 50 саж.», с 4-й — «поле на несколько верст» [17, л. 109 об., 110]. Он также отметил, что занимаемая кладбищем местность была значительно «изрыта» близко расположенными между собой могилами. Порядок работы погоста регламентировался ст. 909 и ст. 911 Устава медицинской полиции, но это не всегда соблюдалось. Для стока дождевых и талых вод по его периметру имела канаву, а рядом — деревянный палисадник.

По распоряжению уездного исправника от 4 мая 1881 г. за № 986, отводимый по приговору крестьян Спасо-Песоцкой слободы участок земли размером 45×20 с для расширения некрополя осмотрел частный пристав Ростова [17, л. 112 об., 113]. По другим сведениям, крестьяне пожертвовали участок размером 130 кв. с [5, с. 19]. Пристав отметил в акте, что на «этом кладбище погребается весьма мало», поэтому при отводе нового участка имевшие место санитарные нарушения при погребении «устранятся». Такое заключение не соответствовало выводам исправника. Можно предположить, что на действия пристава мог повлиять Андрей Александрович Титов, который представил вниманию гласных городской думы свое «особое мнение» по этому вопросу. Несмотря на веские доводы Титова против отвода земельного участка и предложение обустроить «прекрасное кладбище» в поле при Варницкой слободе, гласные по вынесенному определению решили сообщить в Ярославское губернское правление для зависящего распоряжения, что со «стороны думы не встречается препятствия к расширению кладбища при городской Николо-Воржищенской церкви» [17, л. 112 об., 113, 125 об.].

Кладбище при Преображенской церкви. Преображенский погост, как и при Никольской церкви во Ржищах, также действовал в 70-х гг. XVIII в., а располагался на северной окраине Ростова. Об этом можно

узнать из письма приходского священника о. Александра Васильевича Царевского от 11 апреля 1850 г. в Ростовское духовное правление, подготовленного в ответ на поступивший оттуда 10 апреля указ за № 363. В письме значится, что по последовавшему в 1777 г. указу Екатерины II в Ростове «определено» находиться только двум кладбищам – при «Царевоконстантиновской церкви и Николаевской, что у Варниц» [25, л. 3]. Ко времени написания А. Царевским письма в формулярных списках на кладбище при церкви царя Константина и Елены (Преображенской) церкви значилось около 600 кв. саж., но «определить в точности» было нельзя из-за отсутствия в церкви плана земельного участка [25, л. 3].

К апрелю 1880 г. на погосте при Преображенской церкви мест для захоронений стало не хватать. Это было вызвано тем, что там совершались погребения умерших «почти со всего города», а также и из «квартировавшего» в Ростове «целого батальона», оттуда, по сведениям приходского священника, «так же множество тел к погребению приносят» [22, л. 1]. Поскольку погребения умерших являлись одной из доходных статей церкви, то местный церковный клир решил ходатайствовать об увеличении земельного участка, занимаемого погостом. Для этого священник о. Матфей Павлов, дьячок Иван Михайлов и пономарь Семен Степанов 25 апреля 1880 г. обратились в Ростовское духовное правление с просьбой о «прибавке под кладбище места» [22, л. 1]. В тот же день в журнале правления была сделана запись с приказанием обратиться с данным ходатайством в Ярославскую консисторию, что и было выполнено 28 апреля.

На 8 июня 1881 г. Преображенская церковь и кладбище при ней находились в Ямской слободе. С одной стороны некрополя на расстоянии 4,5 с располагались 20 домов причта и крестьян, а с 3-х других его окружало поле, принадлежащие слободским крестьянам [17, л. 110]. Погост находился от «городского поселения» на расстоянии около 200 саж., по периметру некрополя с 3-х сторон тогда имелась каменная ограда, с 4-й – «деревянная загородка» [17, л. 110]. Из-за большого количества захоронений мест на кладбище становилось все меньше. Расширить погост можно было за счет наделов, которыми владели крестьяне. Приходской священник сообщил членам городской управы, что в «случае надобности» крестьяне предоставят землю для увеличения некрополя.

Значительное количество могил являлось следствием захоронений там не только жителей Ростова, но и военных, до открытия специального кладбища (см. ниже), а также заразных больных из уезда, умерших в Ростовской уездной земской больнице. Так, например, 27 ноября 1895 г. врач Л. Богданов и смотритель Д. Зиновьев попросили священника ростовской городской Преображенской кладбищенской церкви предать земле по христианскому обряду с соблюдением предписанной законом предосторожности находившегося с 7 ноября на излечении больного сыпным тифом крестьянина д. Уткино Угодичской вол. Ивана Евграфова сына Даренина, 22 л., умершего в стационаре «25 сего ноября» [33, л. 251].

Городское кладбище в Варницкой слободе. Образованию некрополя при ростовской Воскресенско-Варницкой церкви способствовала передача ростовским купцом Иваном Илларионовым сыном, Щеткиным и ростовским мещанином Павлом Дмитриевым сыном, Россыльчиковым крепостной земли, находившейся в «смежности» с их приходским храмом. По письменным заявлениям от 20 января и 18 мая 1827 г. купец передавал 30×28 саж., а мещанин — 68×3 саж. [23, л. 1–2]. Церковный клир самостоятельно решить вопрос с землей не мог, поэтому отправил полученные документы в вышестоящую церковную службу. Поданное 9 июня 1827 г. священником Воскресенской церкви о. Николаем Иоанновым и церковным старостой Андреем Федоровым в Ростовское духовное правление «всепокорнейшее прошение» там рассмотрели и 12 июня вместе с «расписками» жертвователей выслали в Ростовский городской магистрат. После разбирательства дела (мещанин уже умер) и получении 15 к. за гербовую бумагу, факт передачи земли утвердили, о чем бургомистр Гогин 26 ноября 1828 г. в отношении за № 1962 и поставил в известность Ростовское духовное правление, а оно 4 декабря уведомило благочинного [23, л. 4–7 об.].

На погостах в городской черте мест для захоронений горожан и некоторых умерших в уездном стационаре не хватало, и было решено использовать некрополь в Варницкой слободе. По указу Ярославской духовной консистории в 1870 г. умерших в Ростовской земской больнице разрешалось хоронить на кладбище при ростовской Воскресенско-Варницкой церкви до «приискания Ростовскою городскою управою свободнаго места» [16, л. 86]. Однако и спустя 5 лет городскому самоуправлению найти подходящий для этой цели участок земли не удалось. К 1875 г. отведенное место на кладбище, «которое для показанной цели могло служить, по малому объему земли лишь на время», оказалось «совершенно» занятым. Церковный клир из-за отсутствия свободных мест стал отказываться «принимать» умерших в стационаре. Из поданных в духовное правление и городскую управу писем по этому поводу можно узнать, что за захоронениями умерших в больнице «идут уже сплошь родовыя места, частию ростовских граждан, частию приходских крестьян, служащих единственною поддержкою благолепия их храма и материального обеспечения причта при нем» [16, л. 86].

Поскольку мест на погосте для погребения умерших в земской больнице и «прочих лиц» почти не имелось, а Ростовская городская управа продолжала использовать некрополь для захоронений, то церковный причт и староста Воскресенско-Варницкой церкви вынуждены были обратиться в Ярославскую духовную консисторию с прошением об «освобождении» кладбища при церкви от дальнейших захоронений лиц, скончавшихся в уездном стационаре. По резолюции Его высокопреосвященства 10 сентября 1875 г. из консистории в Ростовскую городскую управу было отправлено отношение за № 5383 с просьбой ускорить поиск подходящего места для больничного некрополя и о «последующем» уведомить [16, л. 83].

На очередном заседании Ростовской городской думы 9 июня 1876 г. документ был рассмотрен. Вниманию гласных городская управа представила план со «смежной местностью» городской выгонной земли около кладбища при Воскресенско-Варницкой церкви. Большинством голосов (29 против 1-го) гласные думы «определили» отвести смежный с кладбищем участок городской выгонной земли от «2-х до 3-х десятин по правую сторону дороги до границы земли наследников Мальгина, по направлению к городу, обведя отведенную землю канавою» [16, л. 83, 86, 86 об.]. О принятом решении председатель городской управы уведомил духовную консисторию.

Чтобы благоустроить территорию больничного некрополя и иметь возможность совершать там отпевания, священник Воскресенско-Варницкой церкви о. Александр Пречистинский и псаломщик Константин Покровский 26 сентября 1903 г. обратились в Ростовскую уездную земскую управу с просьбой о постройке на земском больничном кладбище каменной часовни. На эти цели крестьянин д. Бабки Шулецкой вол. Иван Семенович Семенов пожертвовал 200 руб., а подрядчик И. А. Полушкин составил смету на 2509 руб. [19, л. 561]. Часовня, возможно, в дальнейшем могла бы как-то поспособствовать к сохранению больничного погоста, но из-за недостатка денег земское самоуправление просьбу отклонило.

Кладбище Спас-Графской слободы. Функционирование городских некрополей, их наполняемость, размеры, контролировало Ростовское духовное правление. 10 апреля 1850 г. оттуда в кладбищенскую Спасскую церковь² поступил указ за № 363 предоставить сведения о размерах погоста и взимаемой плате за погребения. На другой день священник о. Гавриил Иоаннович Климатинский отправил в правление письмо, в котором сообщил, что при храме в Спас-Графской слободе «пространства земли кладбища и самая церковь занимают девятьсот квадратных сажень; плата за места, отводимыя для погребения, незначительная и при том не ограничена, но жертвуется по усердию, и она обращена в пользу церкви» [25, л. 110].

Тогда на погосте хоронили и умерших родственников воинских чинов Угличского полка. 27 июля 1853 г. младший священник указанного полка обратился к священнику Спасской церкви, что в Спас-Графской слободе о. Гавриилу с просьбой «совершить погребение младенца Иоанна, сына Угличского полка унтер-офицера Каспира Юриса и жены его Матрены Бенедиктовой, вместо меня и дать ему свидетельство законное в погребении, которое он должен представить мне для доставления куда следует» [30, л. 18, 18 об.]. Поскольку Преображенское кладбище находилось в «отдаленности и грязи» от Никольской церкви, что на Сполье, то ее священник прот. Иоанн 23 апреля 1854 г. обратился к настоятелю Спасского храма иерею Гавриилу Климатинскому с просьбой совершить погребение на при-

² Спасская церковь была построена в 1760-е гг., благословенную грамоту на освящение «верхнего главного храма» Арсений, архиепископ Ростовский и Ярославский, выдал 17 июня 1786 г. [52].

ходском кладбище в Спас-Графской слободе младенца Ольги Базаровой, но при условии и «другой требы, важной; в метрическую книгу сия треба запишется при моей Николоспольской церкви» [30, л. 16]. Получается, погребение должен был совершить один священник у своего прихода, а запись для отчетности другой пожелал сделать в своей метрической книге. 17 января 1855 г. и. о. частного пристава квартальный надзиратель Савинов обратился к священнику Гавриилу в «ведении» (письме) о предании земле умершей в Ростове от «аневризма и разрыва сердца» женки, вдовы Авдотьи Семеновы дочери, Калининой, 70 лет, крестьянки графини Долгоруковой из подгородской Спасской слободы [30, л. 21].

В этом году под Спасской кладбищенской церковью с деревянными домами священно и церковнослужителей и погостом было 900 кв. с земли, на которую плана и межевой книги не имелось, как и на 1 десятину «усадебной» (ею владел церковный причт), а «учинена» была об «оной» выписка из плана и «межевой книги и внесена в книгу исторических записок по указу Ростовского духовного правления от 23-го дня сентября 1819-го года» [27, л. 23]. Аналогичное количество земли при этой церкви имелось и в 1861 г. [29, л. 65].

В 1881 г. Спасское кладбище было огорожено с 3-х сторон «каменной оградой» и располагалось от жилых строений на установленном законом расстоянии. Оно сосредотачивалось в середине Спас-Графской слободы, от жилых домов отступало на 10 саж., от городского поселения — 200 саж. [17, л. 110]. Прихожанами тогда были преимущественно крестьяне, проживавшие в Спас-Графской слободе в 30-ти домах. Поскольку к тому времени захоронения в некрополе занимали значительное пространство, то жители прилегающей к нему округи отвели для увеличения погоста вне ограды еще 400 кв. с земли в сторону к «незаселенной местности» [17, л. 110].

Открытие еврейского некрополя. Проживавшие в Ростове к началу осени 1861 г. евреи не имели кладбища, поэтому было решено обратиться к городским властям с прошением об отводе места под погост. Желая подействовать «положительному разрешению» столь важного для еврейской общины вопроса, ростовский городничий 9 сентября 1861 г. при отношении за № 636 передал ходатайство евреев на рассмотрение Ростовской городской шестигласной думы [13, л. 1, 1 об.]. Руководствуясь ст. 910 (примеч.) и ст. 911 Устава медицинской полиции, гласные думы пошли навстречу. 20 сентября 1861 г. городничий в отношении за № 2099 был уведомлен об отводе участка «городской выгонной земли, лежащей по левую сторону старообрядческого кладбища, в длину 8 саж. и в ширину тоже 8, итого 64 кв. саж.» [13, л. 2]. Чтобы исключить загрязнение почвы, гласные предложили городской управе организовать работы по прокладке канавы по периметру некрополя для стока дождевых и талых вод.

Открытие военного кладбища. До открытия военного некрополя умерших из числа квартировавших в городе воинских чинов и членов их семейств хоронили на Преображенском погосте. Так, например, 31 января

1872 г. священник о. Александр Царевский совершил обряд погребения на этом некрополе умершего 29 января в бригадном лазарете канонира 2-й батареи 35-й Артиллерийской бригады Николая Сукона, 42 лет, 6 марта — умершего 5 марта в лазарете «ярославского губернского батальона» той же воинской части рядового Григория Харламова, 40 лет, оба скончались «неизвестно от чего», 15 июля 1975 г. — сына-младенца Леонтия, 2 месяца, канонира 4-й батареи этой бригады Федора Лебедева, умершего от «пону» [32, л. 189 об., 190, 239 об., 240].

С конца 1880-х гг. воинских чинов стали погребать на специально обустроенном кладбище в Варницкой слободе. Открытие такого некрополя на Ростовской земле стало следствием принимаемых в гвардейских войсках и частях Петербургского военного округа мер по устройству военных кладбищ и упорядочения захоронений умерших нижних воинских чинов. Инициатива исходила от самого императора, который обратил на это внимание начальника Главного штаба, а тот 22 июня 1887 г. предложил командующему Московским военным округом Александру Ивановичу Бреверн де Лагарди проработать вопрос. На основании поступивших распоряжений начальник штаба этого округа генерал-лейтенант Сергей Михайлович Духовской 28 апреля 1888 г. в отношении за № 3943 указал командиру 35-й Артиллерийской бригады в г. Ростове генерал-майору Дмитрию Александровичу Леману, как «начальнику Ростовского гарнизона», оказать содействие к устройству воинского кладбища [14, л. 1–4 об.].

Генерал с исполнением указаний вышестоящего командования не замедлил. 4 мая 1888 г. Леман и бригадный казначей Борисов при отношении за № 1102 обратились с просьбой к членам Ростовской городской управы о содействии в открытии воинского некрополя для погребения нижних воинских чинов указанной бригады и «местной» команды. Городскому самоуправлению предлагалось отвести участок земли в «размерах 3250 квадратных сажень, или пространство земли длиною в 65 сажень и шириною 50 сажень, при необходимом условии, чтобы место это было достаточно сухо и, по возможности, ближе к церкви» [14, л. 1–2, 9–10]. С аналогичным предложением 16 мая 1888 г. к членам управы при отношении за № 1585 обратился и ярославский губернатор Александр Яковлевич Фриде. Для примера из канцелярии губернатора была выслана копия журнала 1-й комиссии от 16 ноября 1887 г. об устройстве кладбищ в Москве и упорядочения похорон нижних воинских чинов, в котором предусматривались отведение мест для военных кладбищ, их устройство, порядок захоронений нижних воинских чинов, в т. ч. и иноверцев, заразных больных, организацию охраны некрополей, расходы [14, л. 3–4, 5–8 об.].

Однако устройство кладбища затягивалось. Участок, отведенный городской управой командованию 35-й Артиллерийской бригады показался мал и неудобен. После поступивших от Д. А. Лемана обращений о его увеличении, члены управы запросили сведения о количестве умерших в воинских частях Ростова за последние 3 года. 27 мая 1888 г. в отношении

за № 1344 Леман известил их о 10-ти смертных случаях военных за указанное время и вновь предложил отвести для воинского некрополя другое место [14, л. 11, 11 об., 12 об.]. Чтобы как-то повлиять на командира бригады, члены управы 31 мая 1888 г. обратились за помощью к губернатору. Александр Яковлевич знал об отсутствии свободных мест на городских Николоворжищенском и Царевоконстантиновском погостах, поэтому для военного кладбища и было отведено место около церкви в Варницах, где нет особой сырости, а городские жители с «давняго времени» хоронят своих близких и знакомых [14, л. 12, 13].

Обращение к губернатору, отсутствие свободных мест на городских некрополях повлияли на командира бригады — он согласился с предложением управы. Отведенный участок земли Д. А. Леман вместе с членом управы Орловым лично осмотрел в октябре 1888 г. и нашел его вполне пригодным. Место для кладбища располагалось на северной окраине Ростова, вблизи дислокации 2-й батареи 35-й Артиллерийской бригады, линии железной дороги и парком 5-й батареи, что позволяло избегать строительства особой караулки (сторож из нижних чинов мог проживать во 2-й батарее) [14, л. 15, 15 об.]. Однако Лемана вскоре вновь не устроил размер участка, о чем он 28 октября 1888 г. в письме за № 2883 и сообщил управе. В письме на имя председателя городской управы содержатся сведения, что участок земли около 50 или 60 саж. по «обе стороны» справа окружен канавой Московско-Ярославской железной дороги, с левой — «дорогою, ведущею к кирпичному заводу Пономаревых, сзади канавою раскольничьяго кладбища и спереди примыкает к проезжей дороге в Варницкую слободу» [14, л. 17] (ил. 12).

Отведенная городским самоуправлением земля находилась возле старообрядческого кладбища. Ее размер по «линии, параллельной раскольничьему кладбищу» составлял около 35 саж., а в ширину от этого некрополя до проезжей дороги в Варницкую слободу — около 25 саж. [14, л. 17 об.]. По мнению членов управы, участок был вполне достаточным. Поскольку там уже имелся погост, то новый нужно было спланировать таким образом, чтобы он не затруднял доступ к открытому ранее. Председатель управы попросил командира бригады оставить свободным проезд к раскольничьему кладбищу и не загромождать дороги, ведущие в Варницкую слободу и кирпичному заводу «Пономаревых» [14, л. 17 об.].

Выделяя землю под воинский погост, члены городского самоуправления учли и пожелание Дмитрия Александровича Лемана о размещении его невдалеке от церкви. Это место располагалось в Варницкой слободе вблизи Воскресенского храма. О времени начала использования земельного участка под новый некрополь можно узнать из следующей переписки. Так, 28 февраля 1889 г. командир 35-й Артиллерийской бригады написал в городскую управу письмо за № 471, в котором известил о первом захоронении на отведенном для военного кладбища участке земли умершего канонира 4-й батареи Калинина [14, л. 18].

Братское кладбище. Оно появилось в Ростове в годы Первой мировой войны. Умерших в городских госпиталях и лазаретах стали хоронить не только на военном некрополе в Варницкой слободе, но и в Ростове. Чем вызвано появление такого захоронения? Александровский комитет сделал предложение об устройстве братских кладбищ, которое 19 сентября 1914 г. одобрил Николай II. Высочайшую волю устройства братских кладбищ памяти жертвам войны, памятных досок в приходских храмах с «начертанием» имен павших и др. памятников в виде часовен, крестов, каменных столбов, плит и т. п. министр внутренних дел довел до ярославского губернатора Дмитрия Николаевича Татищева. 20 октября 1914 г. Татищев циркулярным отношением за № 2412 уведомил членов земского и городского самоуправлений, что «Александровский комитет о раненых, в заботах об увековечивании памяти жертв войны... предлагал бы крайне желательным, чтобы умершие воины были хоронены в городах лишь на определенном кладбище и в одном месте с сооружением на них часовен, крестов, памятников и пр., дабы такая особая братския кладбища, обсаженные впоследствии деревьями и обнесенная решеткой, служили напоминанием последующим поколениям о жертвах великой европейской войны» [50, л. 1].

Начинание комитета поддержал и Святейший Правительствующий Синод по вынесенному «определению» от 25 октября 1914 г. за № 9246, о чем была извещена и Ярославская духовная консистория, откуда 26 ноября в городские думы губернии были высланы отношения с «определением епархиального начальства от 18 ноября 1914 года за № 2948» об отведении особого места под кладбище для погребения умерших в госпиталях и лазаретах раненых и больных воинов [50, л. 13].

10 ноября 1914 г. члены Ростовской городской управы рассмотрели предложение губернатора за № 2412 «об устройстве братских кладбищ для погребения жертв настоящей войны» [15, л. 42 об.]. Тогда погребения в Ростове осуществлялись на «особом», огороженном палисадником военном кладбище с часовней, где могли быть погребены и жертвы войны. Учитывая это, все согласились с мнением об отсутствии необходимости в устройстве «особого кладбища», а в будущем же соорудить на военном памятник жертвам войны [15, л. 42 об.]. Для этого заведующим лазаретами было рекомендовано производить захоронения на военном кладбище, списки погребенных сообщать в управу, чтобы впоследствии увековечить память жертв великой войны.

Отношение губернатора об устройстве братских кладбищ и сооружений в ознаменование памяти жертв настоящей великой войны 17 ноября 1914 г. рассмотрели и гласные Ростовской городской думы. По вынесенному постановлению они утвердили решение хозяйственной комиссии управы хоронить жертв войны на имеющемся военном кладбище, «списки погребенных сообщать в городскую управу, чтобы в будущем увековечить память жертв великой войны» [18, л. 126]. Таким образом, ни о каком

братском кладбище речи тогда не шло, а говорилось только о военном некрополе. Однако затем стали хоронить и в городской черте. Возможно, это было вызвано большим количеством умерших от ран и болезней солдат Русской императорской армии, недостатком мест на военном погосте и планируемой установкой памятника.

А вот в Угличе поступили по иному. 18 ноября 1914 г. городская управа доложила на очередном заседании Угличской городской думы о необходимости согласования с причтом и старостой городской Воскресенской кладбищенской церкви «особого места на Убоговском кладбище для погребения воинов, умерших в Угличе от ран и увечий, полученных в настоящую великую европейскую войну», чтобы затем соорудить на месте погребения памятник [50, л. 2]. По акту от 1 мая 1915 г. священник Воскресенской церкви о. Федор Троицкий, городской голова Николай Иванович Жаренов и церковный староста Евгений Леонтьевич Белугин осмотрели некрополь с целью отвода «особого места» для погребения воинов и «нашли наиболее подходящим место в юго-восточном углу, размером 20 кв. саж.», т. к. оно было изолировано от «прочих могил и притом неперерытое» [50, л. 15]. О выделении места для братского погоста Жаренов 29 мая 1915 г. в отношении за № 1811 довел до сведения Ярославской духовной консистории [50, л. 16].

Долгое время в документах Ростовского городского отдела коммунального хозяйства исполнительного комитета Ростовского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов не удавалось найти интересующее нас место. В первоисточниках указанного фондообразователя за 1924 г. были обнаружены сведения о размещении братского кладбища у водоразборной будки [40, л. 138]. Поскольку тогда таких будок в Ростове имелось несколько, то и узнать о его месте нахождения не представлялось возможным.

Однако спустя некоторое время все же удалось приблизиться к ответу на интересующий вопрос. В плане работы отдела народного образования Ростовского уездного исполнительного комитета совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов на апрель—сентябрь 1926 г. было намечено к 1 мая «устроить детский городок на братском кладбище для организации дет[ской] площадки для очага “Пчелка” и дошкольников детдома № 1» [47, л. 402]. Детский сад «Пчелка» в 1939 г. располагался на ул. Пролетарская, 1, что напротив здания городской аптеки [45, л. 24]. С южной стороны дома проходила улица, а северной и восточной имела застройка. Открыть там братский военный некрополь было весьма затруднительно. Свободным местом являлись участки земли у восточной, северо-восточной и западной сторон Крестовоздвиженской церкви, напротив детского сада «Пчелка» через ул. Окружная. Можно с большей долей уверенности сказать, что братский некрополь мог находиться рядом с этим храмом или у церкви архидьякона Стефана, что с восточной стороны Городского сада.

Городские некрополи в советское и российское времена. После октябрьского переворота 1917 г. в г. Ростове и пригороде имелись следующие некрополи: в восточной части – в Петровском, Богоявленском монастырях, соответственно, Петровской и Квасоварной слободах, при Спасской церкви в Спас-Графской слободе, северной – Преображенской церкви (придел св. Константина и св. Елены) Ямской слободы и Воскресенско-Варницкой церкви Варницкой слободы – военное, единоверческое, инородческое, еврейское (ил. 8), северо-западной – «новое», между Московско-Ярославским шоссе и Борисоглебской дорогой, западной – при церкви св. Николая Чудотворца во Ржищах, юго-западной – в Спасо-Яколевском Димитриевом монастыре.

Если ранее основную заботу по планировке мест захоронений, уходу за могилами принимали на себя насельники обителей и церковный причт, то с приходом к власти большевиков эти функции были переданы коммунальному отделу Ростовского горсовета.

По декрету от 20 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» религиозные организации лишились прав собственности, а от 7 декабря 1918 г. «О кладбищах и похоронах» отменилось дореволюционное деление погребений на разряды (в зависимости от их стоимости) и были провозглашены одинаковые для всех похороны [11, с. 192]. 7 декабря 1918 г. Народный комиссариат здравоохранения РСФСР опубликовал положение «Об устройстве кладбищ и погребение умерших» [40, л. 1]. Документ содержал подробный перечень мероприятий при регистрации умерших и предания их земле. Коммунальным отделам губернских и уездных исполкомов предписывалось при каждом кладбище построить помещение «легкого типа» для временного хранения мертвых тел. Заведующие отделов и отделов здравоохранения должны были извещать милицию при обнаружении трупов на улицах и местах общественного пользования. Сотрудники милиции обязаны были составлять протокол и передавать его в отдел ЗАГС для регистрации умершего. Заведующему кладбищем запрещалось принимать трупы без предъявления выданной отделом ЗАГС записи о смерти. Однако для вновь отводимых погостов при множественном скоплении трупов и отсутствии материалов для гробов временно допускалось погребение без документов. Было необходимо строго соблюдать расстояние между могилами. Он устанавливался не менее 0,5 арш., слой земли над ними – не менее 1 арш. [40, л. 1]. Захоронения необходимо было производить не ближе 50 с от населенных пунктов и пастбищ. Огораживались они «прочной изгородью или канавой с валом, высота которого от дна канавы до верха вала должна быть не менее 2-х аршин» [40, л. 1 об.]. Поскольку положение не всегда исполнялось, то Главное управление коммунального хозяйства РСФСР 17 июня 1922 г. циркуляром вновь напомнило о нем всем коммунальным отделам и здравотделам страны.

На основании этого циркулярного распоряжения все кладбища в Ростове были вновь разбиты на разряды. Новые власти отмечали, что

в дореволюционной России «буржуазный элемент покупал у церковных общин землю на погосте вблизи церкви, купленные участки огораживались деревянными и большей частью железными изгородями, как собственность» [40, л. 146]. В начале 1920-х гг. члены семей, занявших таким образом на кладбище места, старались их получить. Эта часть территории была отнесена новыми властями к 1-му разряду. В марте 1923 г. зав. уездным коммунальным отделом Блескин уведомил церковные общины города, что по постановлению Ростовского уездного исполкома от 27 февраля 1923 г. все кладбища разбиты на 3 разряда для взимания платы за места по установленной таксе [49].

Оплата за захоронения сохранялась и в последующие годы. Так, к 1 апреля 1925 г. стоимость захоронений на Яковлевском кладбище (ил. 2 и 3) в местах 1-го разряда составляла 50 руб., 2-го – 20 руб. и 3-го – 10 руб., а на остальных 1-го разряда – 10 руб., 2-го – 3 руб. и 3-го – 20 коп. [40, л. 146]. В случае смерти рабочих и служащих, а также членов их семей предусматривалась 50-ти процентная скидка. Инвалиды войны и труда, безработные, находившиеся на социальном обеспечении, на всех кладбищах города хоронились бесплатно. На бывшем военном (ил. 8) и находившемся вблизи больничном погребения были бесплатны для всех [40, л. 146, 193].

Однако вскоре положение по оплате за места было изменено. По решению президиума Ростовского уездного исполкома от 17 апреля 1925 г. (протокол № 37) плата за погребение на Яковлевском кладбище стала составлять 10 руб., на вновь отводимых 2-х участках (на плане под литерами «В» и «Г») западнее Спасо-Песочного храма и у северной стены Спасо-Яковлевского монастыря (ил. 2 и 3), на Николо-Воржищенском, бывшем военном и иноверческом – 5 руб., при погребении рабочих, служащих, членов профсоюзов и их семей плата взималась в размере 25 процентов от стоимости [40, л. 142, 145]. Таким образом, плата за захоронения была округлена в сторону увеличения, т. к. земельные участки 1-го разряда к этому времени уже были заняты могилами, а на остальных, кроме мест в Спасо-Яковлевском монастыре, стоимость была ниже. Деньги стали взимать и за погребения на бывшем военном кладбище. На «больничном» кладбище в Варницах (кто умер в Ростовской больнице и не имел родственников) и «новом» – у Московского и Борисоглебского трактов, плата за места не взималась [40, л. 146, 146 об.].

Не все жители Ростова были в состоянии платить деньги за места на городских погостах. Так, протоиерей Успенского собора о. А. Чуфаровский написал 19 апреля 1926 г. письмо в общий отдел уездного исполкома с просьбой отвести бесплатно место на Яковлевском кладбище для похорон Ивана Протасьевича Рождественского, после смерти которого осталось четверо «неустроенных детей» – Николай, 21 года, учился в московском институте, Зоя, 20 лет, училась в Москве на курсах машинистки, Варвара, 20 лет, занималась домашним хозяйством и Мария, 18 лет, училась в Ростовской 9-летней школе [40, л. 184, 184 об.].

К лету 1923 г. в г. Ростове Ярославской губ. сложилась «сложная» обстановка при погребении усопших. В это время в ведении коммунального отдела Ростовского исполкома находилось 5 кладбищ (кроме братского): Яковлевское, Николо-Воржищенское, иноверческое, военное и больничное, которые были переполнены, и людей хоронить было негде. Согласно исследованиям А. Е. Виденеевой, первое погребение на территории Яковлевского монастыря было совершено в конце XIV в., когда там захоронили основателя обители ростовского епископа Иакова, а последнее — в 1928 г. [5, с. 79]. Чтобы как-то разгрузить погосты, члены городского коммунального отдела 15–20 июля 1923 г. рассмотрели их планы для возможного увеличения, а 2 августа 1923 г. они с изменениями были утверждены президиумом Ростовского уездного исполкома. В Спасо-Яковлевском монастыре отводились участки земли для расширения существовавшего кладбища, обозначены на плане литерами «В» и «Г» (ил. 2), к Николо-Воржищенскому некрополю решили присоединить часть земли с южной стороны, обозначена на плане литерами «Б», «В», «Г» и «Л» (ил. 4).

По новому административно-территориальному делению Преображенское (ил. 5), Спасское (ил. 6 и 7), Петровское (см. ил. 9) и Воскресенско-Варницкое располагались на землях, «принадлежащих пригородным крестьянам Приозерной вол. (образована по постановлению ВЦИК от 14 января 1923 г. из частей Зверинцевской, Сулостской и Шулецкой вол. — К. С.), но на эти кладбища от[дел] мес[тного] хоз[яйства] также имеет свое влияние... в смысле взимания платы с граждан города, исключая крестьян, последние платы за места... не платят, на что имеют договоренность при введении платы за места в 1923 году, что касается кладбища Авраамиевского (ил. 10), обслуживающего население слобод Бакунинской и Квасоварной, то таковое согласно постановлению президиума уездного исполкома от 29 сентября — 24 г. закрыто в виду близкой соприкасаемости его к жилью рабочих» [36, л. 236; 40, л. 146].

Заселение обители рабочими сказывалось на сохранности некрополя. Такое положение дел беспокоило музейщиков. Председатель административно-хозяйственной комиссии по управлению Ростовским кремлем обратился в 1923 г. в местный УИК с «докладом», в котором попросил при помощи забора или «проволочной изгороди» отделить жилую «площадь» Богоявленского Авраамиева монастыря от кладбища с церквями для предупреждения доступа и возможности дальнейшего его разрушения [7, л. 7 об.].

В покоях настоятеля, братских кельях обители поселили рабочих, которые смотрели на погребения с раздражением. К тому времени находившийся там некрополь стал настолько большим, что начал «подступать» к жилью. 29 сентября 1924 г. президиум УИКа на очередном заседании (протокол № 49) вынес постановление о закрытии Авраамиевского кладбища, поскольку все помещения на территории монастыря занимались «исключительно рабочими», а в санитарном отношении дальнейшее по-

гребение на таком невозможно [46, л. 297, 298]. Однако не все об этом знали и некоторые из жителей Белогостицкой и Квасоварной слобод все еще хоронили усопших на этом погосте. Когда захоронения стали запрещать, то заинтересованные в этом граждане 8 ноября 1924 г. с жалобой обратились в УИК. Заведующий общим отделом уездного исполкома 26 ноября 1924 г. в отношении за № 2212 предложил Приозерному ВИКу известить граждан указанных слобод о содержании постановления УИКа от 29 сентября [46, л. 297, 298].

В конце 1920-х гг. над некрополем нависла угроза уничтожения. 5 апреля 1928 г. проживавшие в Авраамиевском монастыре (ЖАКТ «Красный текстильщик») 124 рабочих фабрики им. И. И. Кутузова написали в Ростовский городской совет заявление: «Просим вышеозначенный горсовет дать нам разрешения на удаление памятников, которые занимают порядочный участок земли, но не приносят абсолютно никакой пользы. Это с одной стороны, а во-вторых то, что мы когда-то считали священно-неприкосновенным, и то, что нам затемняла наши головы, целые века нас поработало и угнетало, поскольку оно раньше нам бы [лю] священного дорого, теперь по столько же оно стало отвратительно и ненавистно, это памятники и кресты, которые перед нашими глазами напоминают нам ежедневно, что оно нас угнетало целые века и при воспоминании за прошлое невольно является чувство отвращения от того, во что мы верили и чему молились, и в третьих это то, что у церковных служителей есть козы, которые портят деревья и вообще все древные (так в документе. — К. С.) насаждения, которые летом нам так много дают удовольствие, оставаясь вся зелень во дворе нашего общежития, без присмотра также уничтожается и посторонними, и в четвертых это то, что наши дети ходят по могилам и собирают всякие черепашки (*надо бы* черепа. — К. С.) и кости, и берут их не только в руки, и в рот, этим самым может отразиться на здоровье наших детей, так как покойники были всякие и заразные и дальше по удалении этих ныне ненавистных крестов и памятников мы, жильцы ЖАКТа № 18 сравняли бы могилы и устроили бы хороший парк, проделали бы аллейки, на них и лавочки, где мы могли бы и в летнее время отдохнуть от трудового дня, также могли бы устроить спортплощадку, и она необходима, и устроили бы детска площадку для игр...» [36, л. 234, 234 об.].

В ответ на обращения рабочих по указаниям горсовета некрополь Авраамиевского монастыря «обследовала» комиссия в составе представителей от 7-ми учреждений города, в т. ч. и от Ростовского музея. Кроме этого административный отдел Ростовского уездного исполкома 24 апреля 1928 г. предложил руководству музея подготовить справку по некрополю на предмет возможного «сравнивания» и сношения памятников, которые могли «иметь историческое значение» [36, л. 237]. 8 мая 1928 г. зав. музеем Николай Михайлович Гусев выслал в адрес отдела заключение по данному вопросу зав. археологическим отделом Дмитрия Алексеевича Ушакова. Чтобы попытаться как-то спасти некрополь или часть его от полного

уничтожения, музейщик, ссылаясь на постановления Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата здравоохранения, недвусмысленно заметил, что «время уничтожения кладбищ определено в срок 30 лет после последнего погребения» [36, л. 233]. А поскольку там хоронили и после октябрьского переворота, то на деле выходило, что разрушать монастырский погост и «облагораживать» его по усмотрению рабочих фабрики нельзя.

По мнению Ушакова, кладбище существовало при монастыре со времени его открытия и функционировало непрерывно, от чего погребения «напластывались» постепенно. «Были ли исторически важные погребения, не установлено, — писал Д. Ушаков, — так как изыскания не производились. Вообще же существование их можно предположить по аналогии с Белогостицким, давшим знаменитый серебряный клад, находящийся в Академии наук. Самое изыскание можно произвести лишь по окончании и срока, установленного для сохранения погребений... В отношении надгробных памятников следует заметить, что некоторое количество их следует признать ценными и идущими от XVI века, например, плита под переходом. Имеются отдельные памятники в стиле «барокко» и «ампир». Однако учета надгробия не было за нецелесообразностью его, т. к. вопроса о закрытии кладбища не поднималось... в виду изложенного необходимо специальное обследование, сопровождаемого отдельным откапыванием ушедших в землю надгробий... Уничтожение части кладбища, прилегающей к зданиям следует признать целесообразным, тем более, что эта часть погребений заняла место ранее кладбищем не занимаемое и слишком приближающееся к жилью... С точки зрения охраны древних зданий устройство спортивной площадки недопустимо, т. к. футбол, метание диска и т [ому] под [обные] спортивные упражнения несомненно принесут повреждения... В отношении же устройства сада, в случае уничтожения кладбища на его месте, возражений не встретится при условии охраны могил и надгробий, подходящих под действие Н [ародного] к [омиссариата] п [росвещения], каковые будут установлены при обследовании» [36, л. 233].

Чтобы подвигнуть музейщиков к закрытию монастырского погоста, подключился и отдел народного образования Ивановской промышленной области. Оттуда 14 ноября 1929 г. в Ярославский окружной исполком было отправлено письмо за № 47/6 с уведомлением, что со стороны Ростовского музея (письмо от 4 октября за № 22) препятствий к упразднению кладбища бывшего Авраамиевского монастыря не встречается [36, л. 267]. В документе предлагалось не имеющие исторического значения металлические надгробия сдать в Рудметаллторг, а каменные — продать на слом, причем, согласно «постановлению Главнауки, музей должен получить от реализации 60% стоимости каждого надгробия» [36, л. 267].

«Новое» кладбище у Московской и Борисоглебской дорог (ил. 1) было открыто из-за «чрезмерной уплотненности» некрополей и, особенно Яколевского, Никольского-Воржищенского, больничного, бывшего

военного и иновещеского. В Ростовском филиале Государственного архива Ярославской области сохранились списки на 876 человек, умерших с 1 марта 1923 г. — 1 января 1928 г. и похороненных на Авраамиевском, Варницком, Николоворжищенском, Преображенском, Петровском, Спасском, Яковлевском кладбищах [40, л. 5, 5 об., 14, 19, 198—219 об.]. В списке с 31 марта 1923 г. по 1 января 1928 г. содержатся данные не только о некрополях, но и времени, месте (указан разряд) захоронений, а также стоимости. Например, родственники погребенного 31 марта 1923 г. некоего «Ковалева» за место на Никольском кладбище во 2-м разряде уплатили в ГорКО 1 р. 50 к., там же 27 апреля за «Разживина» — 3 р., 4 июня за «Кошерихина» — 10 р., 6 августа за «Ливанова» на Яковлевском в 1-м разряде — 5 р., 4 июня за «И. А. Малкова» на Преображенском в 1-м разряде — бесплатно по разрешению зав. ГорКО Чекмарева, 23 июня «Ордынской» на больничном — бесплатно, 25 июня «Л. Тюрину» на Авраамиевском в 3-м разряде — 20 к., 29 июня «Московцева» на Яковлевском во 2-м — бесплатно по справке собеса за № 5234, 9 июля «П. Осипову» на Спас-Графском во 2-м разряде — бесплатно по справке собеса за № 5397, 25 июля «Михаила Банина» на Никольском в 3-м разряде — 10 к. по специальному удостоверению, 3 августа «А. К. Фуртова» в 1-м разряде на Преображенском — бесплатно по справке страховой кассы за № 5721, 7 августа «Ф. Г. Эндельцева» на Яковлевском в 1-м разряде — бесплатно по разрешению Ситохина на больничное удостоверение [40, л. 198—199]. Таким образом, оплата за место на погосте зависела как от разряда, так и от социального положения умершего. Если он работал на производстве, а родственники имели «нужные» удостоверение, справку, то сумма оплаты за место могла быть снижена или же разрешалось хоронить бесплатно. На больничном в 1923 г. хоронили бесплатно, за 1924 г. — начало 1928 г. сведений о захоронениях на этом некрополе в списке нет.

15 августа 1923 г. члены комиссии в составе санитарного врача С. Урусовского, управляющего отделом землеустройства при уездном земельном управлении Домбровского и председателя общего отдела Ростовского уездного исполкома провели проверку некрополей города с целью их расширения. Однако увеличение площади не решало проблем с захоронениями, поэтому комиссия сочла за необходимость предложить местным властям открыть новый некрополь. Для него был выбран участок земли «между Московским и Борисоглебским трактами близ Сергиевской часовни», находившийся за городом в удалении 0,25 версты [40, л. 133]. Предложение обсуждалось на уездном исполкоме, там его одобрили.

После успешного разрешения вопроса с открытием погоста на новом месте, санитарный врач С. Урусовский, уездный техник озаботились и ограждением земельного участка. 2 сентября 1924 г. они обратились к зав. отделением местного хозяйства с просьбой об установке изгороди вокруг предполагаемого кладбища, согласно составленной на 1925 бюджетный год смете [40, л. 132]. На приспособление земельного участка под буду-

щее кладбище в 1924–1925 гг. ассигновали 498 руб. Об открытии нового некрополя в 1925 г. можно узнать и из объявления уездного исполкома от 17 апреля 1925 г., в котором упоминалось о не взимании платы за погребение на «больничном и у Московского шоссе» кладбищах [40, л. 145].

Поддерживать чистоту и порядок на городских некрополях оказалось делом достаточно проблематичным. Чтобы решить эту проблему с наименьшими затратами и хлопотами, взимание денег за места на кладбищах Ростовский уездный исполком передал в ведение церковных общин. На полученные деньги они обязывались поддерживать порядок на территории, ремонтировать ограды, подсыпать дорожки. Например, по заключенному 7 января 1927 г. между городским коммунальным отделом и Николо-Воржищенской общиной верующих условию в лице Николая Яковлевича Рыбакова и Ивана Александровича Уткина, община принимала на себя обязательство на 9 месяцев (с 1 января по 1 октября 1927 г.) взимать оплату за погребение и расходовать деньги на содержание кладбища. Согласно акту ревизии под председательством члена этой общины Ивана Евдокимова от 16 октября 1927 г. по приходо-расходной книге на территории кладбища было вырыто 77 могил, за что получено 194 руб. 70 коп., проданная после скашивания трава принесла 15 р. [40, л. 229 об.]. Расходная часть составляла 187 руб. 85 коп. Эти деньги потратили «на поднятие» дорожек за счет подсыпки песком (длина 1-й дорожки была 48 саж., ширина – 1,5 арш., длина 2-й – 50 саж., ширина – 1 саж.), постройку 2-х деревянных мостов, рытье канавы для осушения кладбища (длина 110 саж.), изготовление изгороди с 2-х сторон кладбища в 2 жерди (длина 90 саж.) [40, л. 229 об.].

Контроль над захоронениями в Спасо-Ярославском Димитриевом монастыре осуществлялся и научными сотрудниками Ростовского музея древностей. Из письма зав. отделом местного хозяйства на имя могильщика Лисова (проживал в Кремле³ г. Ростова в доме Соколинского) от 21 мая 1926 г. можно узнать, что отведение мест для могил на территории Яковлевского кладбища необходимо согласовывать с музеем, поскольку «по музейно-техническим соображениям некоторые места отведены неправильно» [40, л. 189]. Так, например, 13 июля 1926 г. в музей поступило обращение от Никуличева о разрешении отвести там место для могилы врача В. В. Голосова [40, л. 191].

Закрытие кладбищенских церквей, обителей, открытие «нового» кладбища (среди ростовцев называлось «народное кладбище»), сказалось и на ликвидации некрополей при них. Молитвенные здания (церкви) в конце 1920-х – начале 1930-х гг. закрывались на основании ст. 36-й, 37-й, 40-й, 42-й, 52-й и 53-й постановления ВЦИК и СНК СССР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» [36, л. 311, 318, 323, 334, 394, 395]. Свой отпечаток на это накладывал и отказ некоторых приходских свя-

³ Территория внутри крепостного земляного вала.

щенников, по различным причинам, исполнять обязанности в храме. Так, настоятель Преображенской церкви (в народе нередко называлась «Царя Константина и Елены») протоиерей о. Иоанн Федоровский в заявлении от 27 ноября 1929 г. в административный отдел Ростовского районного исполкома сообщил, что по возрасту и по состоянию здоровья снят с должности настоятеля храма и «уволен за штат». 17 февраля 1930 г. он написал повторно об отказе от «должности служителя культа и от сана священника и просил считать его простым жителем и гражданином г. Ростова» [42, л. 23 а, 27]. Церковная община в лице председателя приходского совета Леонтия Константиновича Левского пыталась сохранить храм действующим, но безуспешно. На это повлияло и новое налоговое обложение. В конечном итоге члены общины вынуждены были просить местные власти присоединить ее к Спасской общине, находившейся в Красной слободе. 1 декабря 1929 г. собрание прихожан Преображенской церкви Приозерной вол. в количестве 85 человек по вынесенному единогласно постановлению решило Преображенскую общину ликвидировать из-за малочисленности прихожан и невозможности уплатить установленный местными властями дополнительный сбор по страховке здания [42, л. 32]. С переходом общины в Спасский храм туда передали из церкви Преображения Господня икону Божией Матери «Всех Скорбящих Радости», украшенную ризой, вышитую натуральным и искусственным жемчугом [42, л. 32].

Закрывались и другие погосты. Кладбище при церкви Спаса-Всемилового в Красной слободе (ранее Спас-Графской слободе) было закрыто в 1930 г. [35, л. 19 об.—21]. Предшествовавшее ему изгнание из храма церковного причта негативно сказалось на некрополе при нем. Захоронения производились халатно и на небольшую глубину, что в теплое время года давало о себе знать. Газета «Большевистский путь» писала по этому поводу: «На Спасском кладбище трупы зарывают на глубину только одного метра. По рабочему поселку распространяется нехороший запах. Госсовет понюхай, в чем дело» [10]. Спасский храм вскоре разобрали. В постановлении президиума горсовета от 29 марта 1936 г. значилось, что из-за непригодности церкви для использования под учреждения и жилье, «произвести слом таковой», строительный материал передать на строительство нового здания для школы № 2 и коммунальной бани [37, л. 206].

После разборки храма был уничтожен и некрополь. Через него по линии восток — запад проходит Спасский бульвар, часть территории занята под постройки. О том, что там была кладбищенская церковь, сегодня жителям Ростова и гостям города напоминает установленный в бывшей Спас-Графской слободе в начале XXI в. памятный крест, а рядом два памятника, чудом уцелевшие после варварского разграбления и уничтожения приходского некрополя в советское время (см. ил.). Надпись на надгробной плите уничтожили вандалы и стерло время, а на стоящем рядом памятнике ее можно прочитать: «Под сим камнем погребено тело рабы Божии незабвенной супруги ростовского мещанина Ивана Замятина

Надежды Никитишны, родившейся в 1835 году сентября 8 дня. Скончалась 1861 года июня 17 дня. Жития ея было 25 лет 9 месяцев 9 дней и сын ея младенец Михаил».

Такой же памятный крест установлен и на месте разрушенной Преображенской церкви и уничтоженного приходского погоста. По его северной части проходит дорога Москва – Холмогоры, а часть территории также занята под жилые и хозяйственные постройки. На бывшем некрополе до наших дней сохранился лежащий на земле памятник из красного гранита (см. ил. 19). Над выбитой на камне надписью также «постарались» вандалы. Текст изуродован, из-за чего прочитать его весьма затруднительно. Возможно, ранее на нем было написано: «Под сим камнем тело Харитины Григорьевны Ксеновой, урожденной Базаровой. Родившейся 1816 г. сентября 30. Скончавшейся 1881 г. ноября 28».

Еврейское кладбище (см. ил. 8) существовало также, пока имелась община верующих. По спискам 1923 г. прихожан иудейского вероисповедания в городе насчитывалось 53 человека, на 29 января 1929 г. – 29 лиц, молитвенное здание размещалось на ул. Володарского, 37, в квартире 4 [43, л. 38 об., 39]. Уменьшение числа прихожан и общие «веяния» в стране отразились на общине. 28 мая 1929 г. ее председатель Абрам Мордоусович Глейхман и секретарь Залман Абрамович Сахар написали заявление в административный отдел Ростовского исполкома с просьбой не считать с мая 1928 г. существующей еврейскую религиозную общину из-за небольшого количества верующих – осталось только 10 взрослых мужчин [43, л. 44]. В ответ на обращение зам. председателя Ростовского горсовета Петров 31 мая 1929 г. в письме за № 1896 уведомил начальника городской милиции о закрытии еврейской религиозной общины, предложив описать имущество синагоги. 19 июня 1929 г. члены комиссии в составе надзирателя 2-го участка ростовской городской милиции Пластинина, представителя общины А. М. Глейхмана, сотрудника Ростовского музея Г. К. Шлякова и представителя районного финансового отдела Н. Н. Кудрявцева произвели опись имущества синагоги, составив список из 20 пунктов, в котором были учтены и 3 Торы на пергаменте вместо 4-х (одну передали 6 апреля 1928 г. А. Лурье в 1-ю синагогу в г. Старая Русса), 2-е Мешлое на пергаменте, 17 Хумошилль и Махзадши, 17 Сидурши, 12 венских стульев и «алтарь деревянный ящик» [43, л. 41].

Подобная участь постигла и приходскую общину Петровского монастыря. На основании заявления верующих об отказе от помещений, предоставленных для совершения богослужений, президиум горсовета на заседании 21 ноября 1931 г. утвердил самоликвидацию общины, а монастырские здания передал под охрану Ростовскому музею [34, л. 167, 168].

2 апреля 1931 г. на заседании президиума Ростовского горсовета рассматривалось постановление коммунальной секции от 30 марта 1931 г. о перерегистрации кладбищ города. Собравшиеся были ознакомлены с правилами, утвержденными Народным комиссариатом внутренних дел

и Народным комиссариатом земледелия от 7–11 июня 1929 г. за № 198 (б) 197 м.а, постановлением правительства СССР от 12 ноября 1930 г. о порядке изъятия бесхозного кладбищенского имущества [34, л. 37]. В постановлении Ростовского горсовета указывалось на необходимость проведения с 15 апреля по 15 мая 1931 г. регистрации оград, заборов, решеток, памятников, надгробий и пр. металлических предметов, находившихся при «отдельных домовладениях» и кладбищах, которую должен выполнить городской коммунальный отдел, создав для этого специальную комиссию [34, л. 37, 39]. Регистрация должна была быть платной. Коммунальному отделу предлагалось взимать 50 к. с рабочих и служащих, 1 р. – с кустарей и 2 р. – «нетрудового элемента», регистрационный знак стоил 20 к., незарегистрированное имущество считалось бесхозным, поэтому члены коммунального отдела обязывались сдавать его в Рудметаллторг [34, л. 37].

Из-за недостатка строительного материала члены местного совдепа решили разобрать «на кирпич» несколько городских храмов. На заседании президиума Ростовского исполкома 29 ноября 1931 г. (протокол № 32) докладчик Шаров предложил сломать церковь Спаса-на-Песках (храм при Спасо-Яковлевском Димитриевом монастыре), церковь в Петровском монастыре и колокольню Богоявленской Авраамиевой обители с целью использования материала для строительства Ростовский машинно-тракторной станции (далее – МТС), цикорного комбината, бани и жилищно-строительной кооперации [41, л. 45] (к счастью, варварскому плану по разрушению этих архитектурных памятников не удалось осуществиться, сегодня они радуют глаз не только ростовцев, но и гостей города). Предложенное Шаровым исполком поддержал. Обоснование этому они выбрали весьма подходящее для того времени – «означенные церковные строения не представляют исторической ценности, кроме этого, использовать таковые как помещения не представляется возможным и они рушатся» [41, л. 45]. Выписка из протокола за № 32 поступила в горсовет. Там с передачей указанных «церковных строений» на слом для постройки МТС согласились, обязав «Брудастова немедленно выехать в Москву и добиться разрешения этого вопроса перед Наркомпросом РСФСР» [41, л. 45]. Принятое решение о разрушении Спасского храма, что на Песках сказалось на запрещении захоронений при нем.

После открытия кладбища за городом между Московским и Борисоглебским шоссе там стали хоронили людей победнее, плата за «место» с родственников не взималась. Из-за недостатка мест в 1937 г. с западной стороны был отведен еще участок земли [12]. В годы Великой Отечественной войны на этом некрополе хоронили солдат Красной Армии, скончавшихся от ран в городских лазаретах. Согласно паспортизации, на территории кладбища находится 101 братская и индивидуальные могилы [12].

Во второй половине 1980-х гг. автору удалось узнать от вахтера Мебельного объединения «Прогресс» (к сожалению, имя ее забылось), что

умерших от ран в военном госпитале (размещался в Ростовской средней школе № 1, сегодня это Ростовская гимназия им. А. Л. Кекина) выносили в небольшое 1-этажное здание из красного кирпича (было приспособлено под морт, находилось с северной стороны от школы), а вечером и по ночам на подводах увозили на братское кладбище.

Погост между 2-х дорог использовался по назначению до начала 1949 г., когда на заседании Ростовского горисполкома 5 января 1949 г. (протокол № 1) было принято решение о его закрытии с 10 января 1949 г. [38, л. 3]. Председатель горисполкома обязал руководство Управления благоустройства городского коммунального хозяйства «по закрытии городского кладбища сохранить в полной неприкосновенности, как земельный покров, так и все надмогильные надписи, ограды, памятники и ограды кладбища... до полной его ликвидации» [38, л. 3]. При закрытии «нового» кладбища было отведено место для городского некрополя «за железнодорожным полотном, в направлении к кирпичному заводу» и справа от дороги Ростов – Варницы [38, л. 3].

Николо-Воржищенский некрополь закрыли на основании решения Ростовского горисполкома от 13 сентября 1955 г. за № 480, поскольку со «дня последнего захоронения... прошло 20 лет» [39, л. 1]. Согласно документу, к указанному времени на бывшем кладбище никаких надгробных памятников уже не имелось. На этом сказалось и то обстоятельство, что во время Великой Отечественной войны оно использовалось под «огневые позиции артиллерии и частично вследствие этого ликвидировано» [39, л. 1]. К сведению были приняты и данные, полученные от жительниц Ростова А. И. Шабалиной (1894 г. р., проживала на ул. Фрунзе, 34, кв. 4) и А. А. Сметаниной (1909 г. р., – ул. Ленинская, 70, кв. 1). Шабалина сообщила местным властям о погребении на кладбище в 1930 г. мужа, а с 1932 г. захоронений там не производилось (до разборки Никола-Воржищенского храма), жившая рядом с кладбищем, поэтому являвшаяся очевидцем Сметанина также подтвердила факт закрытия погоста в 1932 г. [39, л. 3, 4]. Руководствуясь утвержденными Всероссийской санитарной инспекцией СССР 20 декабря 1948 г. санитарными правилами, учитывая полученные сведения от жительниц, члены горисполкома решили использовать земельный участок после ликвидации Никола-Воржищенского кладбища под «общественные нужды и строительство» [39, л. 1]. Сегодня территория бывшего некрополя застроена жилыми домами, по нему также проходит часть ул. Добролюбова.

В начале 1980-х гг. городской погост, выделенный в 1949 г., оказался переполненным. Местные власти нашли для него новый участок за Ростовским оптико-механическим заводом, но он оказался непригодным для захоронений, поскольку местность была заболоченной. Тогда место для кладбища выбрали слева от дороги Ростов – Варницы, напротив открытого в 1949 г. Руководствуясь постановлением Совета министров СССР от 6 марта 1975 г. за № 199 «О выдаче государственных

актов землепользователям на право пользования землей» (§ 2), распоряжением Совета министров РСФСР от 23 сентября 1987 г. за № 1260-р, утвержденной в Министерстве сельского хозяйства СССР 7 сентября 1976 г. инструкцией «О порядке составления, выдачи и хранения государственных актов на право пользования землей» (§ 27), Ростовский районный исполнительный комитет Советов народных депутатов 5 февраля 1988 г. решением за № 45 выделил Ростовскому комбинату коммунальных предприятий участок земли площадью 2 га для расширения городского кладбища [44, л. 134].

По распоряжениям директора Ростовского музея В. В. Кима в 1989–1990 гг. в Яковлевском филиале (бывший Спасо-Яковлевский Дмитриев монастырь) производились работы по снятию культурного слоя. В результате были полностью уничтожены остатки некрополя в виде полуразрушенных склепов из красного кирпича, сложенных между Дмитриевским храмом и монастырской стеной с северной стороны, между храмами и монастырской стеной с восточной стороны, а также между церковью Зачатия св. Анны и монастырской стеной с южной стороны, которые уцелели от варварского разрушения после закрытия монастыря. Поскольку работы производились с использованием бульдозера, экскаватора и самосвала, то не обходилось и без «недоразумений». Так, во время работ за Дмитриевским собором экскаваторщик не заметил, как погрузил в кузов самосвала (машина «Татра» из ростовского Агрегатного завода) небольшой памятник из красного гранита, ранее установленный на могиле Надежды Ивановны Поповой, скончавшейся 28 мая 1889 г. Его обнаружили затем у юго-восточной башни обители, куда на берег о. Неро и вывозилась земля.

15 апреля 1991 г. монастырь вернули Церкви. Сохранившиеся памятники и надгробные плиты от захоронений до 1928 г. насельники произвольно разместили за Дмитриевским храмом у монастырской стены, что в юго-восточной части обители (ил. 20). В открытом Спасо-Яковлевском Дмитриевом мужском монастыре частично были возобновлены захоронения насельников. На сегодня там погребены двое усопших — в 2015 и 2022 гг. Аналогичным образом надгробные плиты и памятники разместили и в Богоявленском Авраамиевом женском монастыре, переданном Церкви в декабре 2003 г. Они находятся на территории бывшего некрополя за Богоявленским храмом. Там тоже появились новые памятники погребенным в стенах обители в 2014 и 2022 гг. (ил. 22). В начавшем возрождаться с 2005 г. Петровском монастыре также сохранилось несколько кладбищенских памятников, но новых захоронений там нет (ил. 21).

К 2000 г. на выделенном по решению райисполкома от 5 февраля 1988 г. участке для городского кладбища хоронить стало негде. Поскольку на окраинах Ростова мест для нового некрополя не нашлось, то было решено приспособить для него земельный участок в небольшом удалении от города. С этой целью директор Ростовского муниципального предпри-

ятия ЖКХ обратился к дирекции ЗАО «Мичуринец» и получил согласие на передачу части земельного надела для вновь открываемого погоста, о чем известил в письме местные власти. Учитывая договоренность на изъятие земельного участка и предложения комиссии по градостроительной политике по размещению кладбища « (акт выбора земельного участка от 10.07.2000), в соответствии со ст. 28 Земельного кодекса РСФСР», глава Ростовского муниципального округа А. К. Руденко подписал 14 мая 2001 г. постановление за № 521 «О разрешении проведения проектно-изыскательских работ РМП ЖКХ» для размещения некрополя в Шугорской территориальной администрации на «земельном участке площадью 12,2 га» [2, л. 64].

После проведения предусмотренных документом работ и подготовке необходимой документации, с учетом реализации Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и полномочий органов местного самоуправления в сфере организации ритуальных услуг и содержания мест захоронения, А. К. Руденко 15 сентября 2003 г. подписал постановление за № 1225 «Об открытии муниципального кладбища в районе д. Судино» [3, л. 46]. В соответствии с санитарными правилами «СанПиН 2.1.1279–03 и утвержденным проектом планировки городского кладбища уд. Судино Ростовского района», выполнение установленных законодательством услуг по погребению возлагалось на МУП «Коммунальное хозяйство». Документом также предусматривался запрет захоронений на «территории городского кладбища в районе пос. Юрьевская слобода, за исключением погребений на существующие участки семейных захоронений и в других случаях, предусмотренных Федеральным законом» [3, л. 46].

Подводя итоги, хотелось бы сказать, что городские некрополи «прошли путь» от некогда значительных, ухоженных территорий на городских окраинах и в монастырях, где можно было просто погулять и отдохнуть, до полного уничтожения в советское время. Выделенные местными властями в 1925, 1949 и 1988 гг. земельные участки у Юрьевской и Варницкой слобод проблему с городским погостами разрешили только на время. Из-за большого количества могил там хоронить стало негде. Под новый погост в 2003 г. было отведено новое место у п. Судино, что около 9,5 км от Ростова. В переданных Церкви 2-х ростовских монастырях захоронения возобновили, но только в ограниченном количестве для насельников.

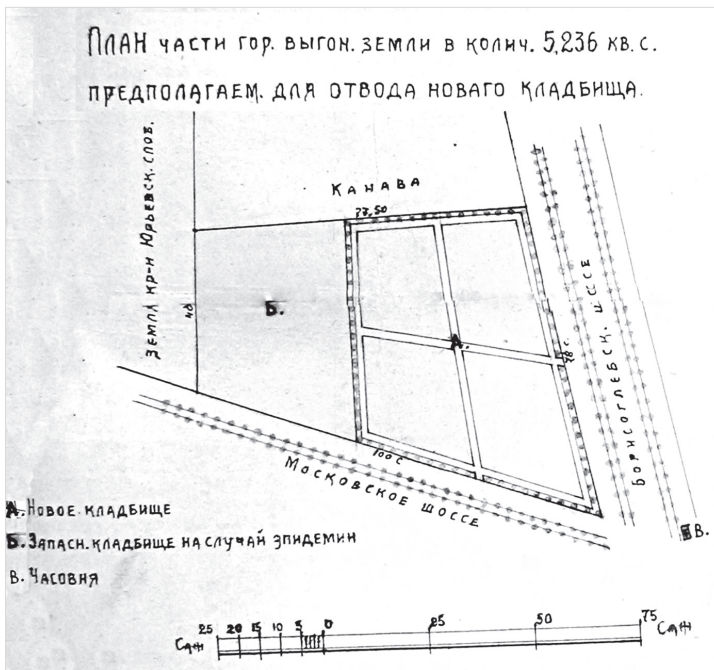
Список источников и литературы

1. Алешина О. Памятники воинам // Ростовская старина. № 132 (прилож. к газете «Ростовский вестник»). 2007. 24 апр.
2. Архивный отдел управления делами администрации Ростовского муниципального района (далее – АОУДАРМР). Ф. 69. Оп. 3. Д. 156.
3. АОУДАРМР. Ф. 69. Оп. 3. Д. 242.
4. Виденева А. Е. К истории ростовской церкви Николы во Ржищах // Русская православная церковь: история и культура (тезисы научной конференции Углич, 24–25 мая 2000 г.). Углич, 2001. С. 37–39.

5. Виденева А. Е. Некрополь Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1994. Вып. 6. С. 78–112.
6. Виденева А. Е. Некрополь ростовского храма Николы во Ржищах // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2009. Вып. 18. С. 19–83.
7. Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль» (ГМЗРК). АДМ-329.
8. Дневники С. А. Соколова / публ. Л. Ю. Мельник // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2000. Вып. 11. С. 245–262.
9. Крошева Ю. [без заглавия] // Ростовский гражданин. № 26 (прилож. к газете «Ростовский вестник»). 1991. 18 окт.
10. Майоров А. В лоб! // Большевистский путь. 1930. 13 сент.
11. Малышева С. Ю. Национально-конфессиональное разнообразие населения в советских проектах и документах, регулировавших погребение // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 188–201.
12. [Мельник Л. Ю.]. Воинское кладбище Ростова – исторический памятник // Ростовская старина. № 1 (170) (прилож. к газете «Ростовский вестник»). 2015. Май.
13. РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3436.
14. РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 368.
15. РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1055.
16. РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1336.
17. РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1350.
18. РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1504.
19. РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 546.
20. РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 282.
21. РФ ГАЯО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 291.
22. РФ ГАЯО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 772.
23. РФ ГАЯО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 7252.
24. РФ ГАЯО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 7296.
25. РФ ГАЯО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 17434.
26. РФ ГАЯО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 18395.
27. РФ ГАЯО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 19544.
28. РФ ГАЯО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 20256.
29. РФ ГАЯО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 21381.
30. РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 1492.
31. РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 61.
32. РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 95.
33. РФ ГАЯО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 96.
34. РФ ГАЯО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 103.
35. РФ ГАЯО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 139.
36. РФ ГАЯО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 62ж.
37. РФ ГАЯО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 35.
38. РФ ГАЯО. Ф. Р-1. Оп. 5. Д. 69.
39. РФ ГАЯО. Ф. Р-1. Оп. 9. Д. 6.
40. РФ ГАЯО. Ф. Р-4. Оп. 4. Д. 47.
41. РФ ГАЯО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 50.

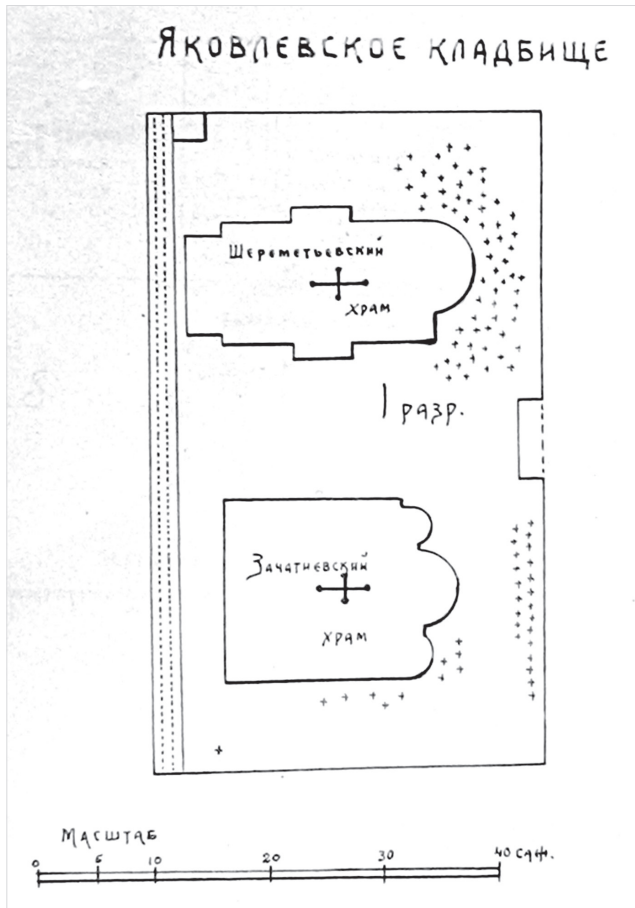
42. РФ ГАЯО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 51.
43. РФ ГАЯО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 59.
44. РФ ГАЯО. Ф. Р-6. Оп. 8. Д. 767.
45. РФ ГАЯО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 501.
46. РФ ГАЯО. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 40.
47. РФ ГАЯО. Ф. Р-184. Оп. 1. Д. 125.
48. Степанов К. Заброшенный памятник // Ростовский гражданин. № 15 (прилож. к газете «Путь к коммунизму»). 1990. 7 июля.
49. Трудовые дни. 1923. 1 марта.
50. Угличский филиал Государственного архива Ярославской области (УФ ГАЯО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1019.
51. Мельник А. Церковь Никольская во Ржищах // Ростовская старина. № 120 (прилож. к газете «Ростовский вестник»). 2005. 29 марта.
52. Мельник А. Ростовская Спасская слободская церковь // Ростовская старина. № 121 (прилож. к газете «Ростовский вестник»). 2005. 31 мая.

Ил. 1. План части выгонной земли для отвода «нового» кладбища.
Июль 1923 г. РФ ГАЯО

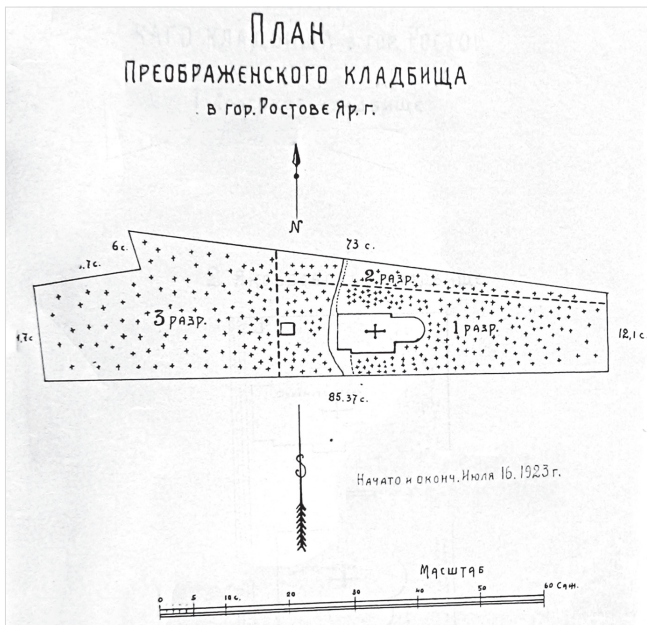
Ил. 2. План Яковлевского монастыря с указанием мест захоронений за Димитриевским, Яковлевским и Зачатиевским храмами, а также у церкви Спаса Всемилостивого. Июль 1923 г. РФ ГАЯО

Ил. 3. План некрополя в Спасо-Яковлевском Димитриевом монастыре. Июль 1923 г. РФ ГАЯО

Ил. 4. План Никольского во Ржизцах кладбища в Спас-Песковской слободе. 15 июля 1923 г. РФ ГАЯО

Ил. 5. План Преображенского кладбища в Ямской слободе. 16 июля 1923 г. РФ ГАЯО

Ил. 6. План Спасского кладбища в Спас-Графской слободе. Июль 1923 г. РФ ГАЯО

Ил. 7. План Спасского кладбища в Спас-Графской слободе. Июль 1923 г. РФ ГАЯО

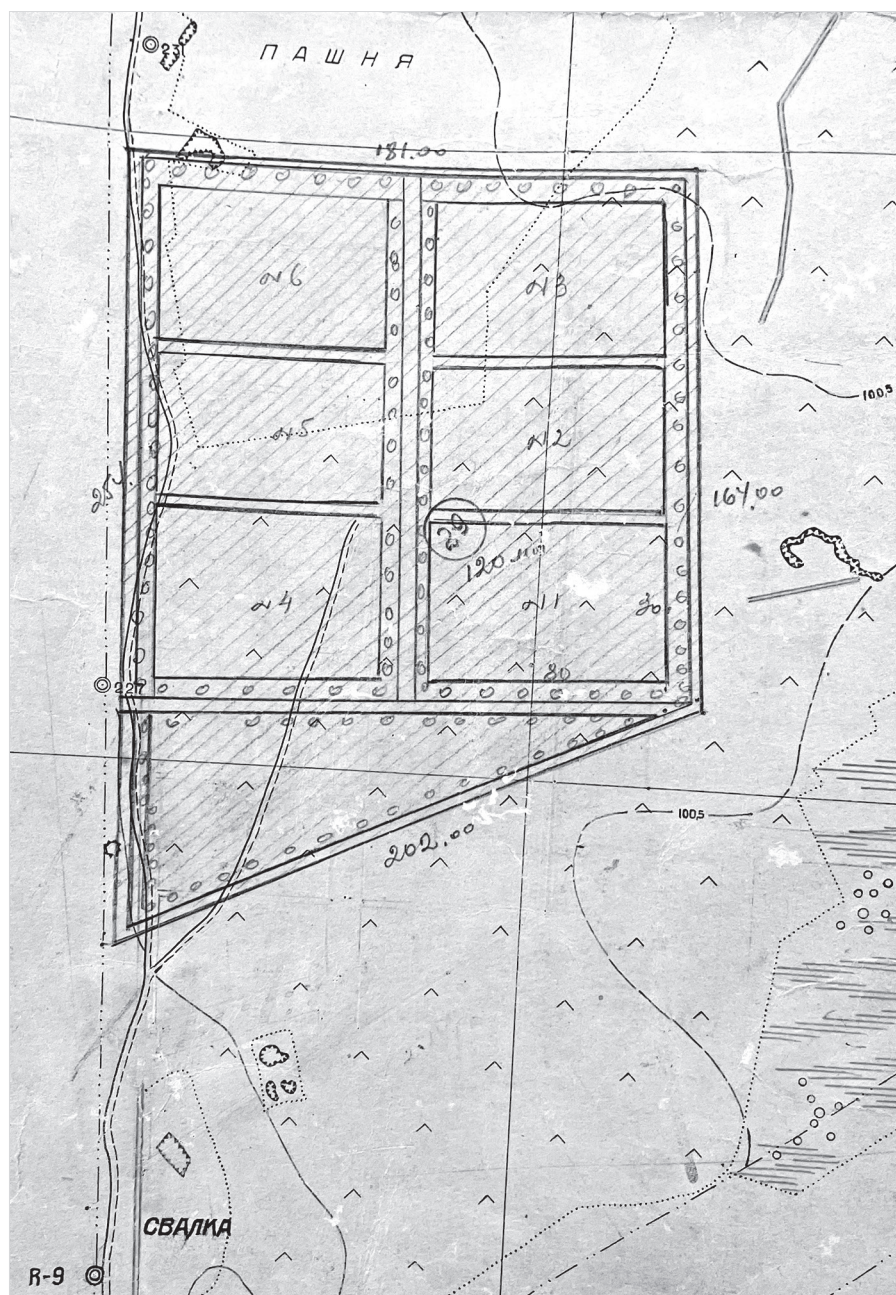
Ил. 8. План военного, единоверческого, инородческого и еврейско-го кладбищ в Варницкой слободе. 18 июля 1923 г. РФ ГАЯО

Ил. 9. План кладбища в Петровском монастыре. 17 июля 1923 г. РФ ГАЯО

Ил. 10. План кладбища в Богоявленском-Авраамиевском монастыре. 17 июля 1923 г. РФ ГАЯО

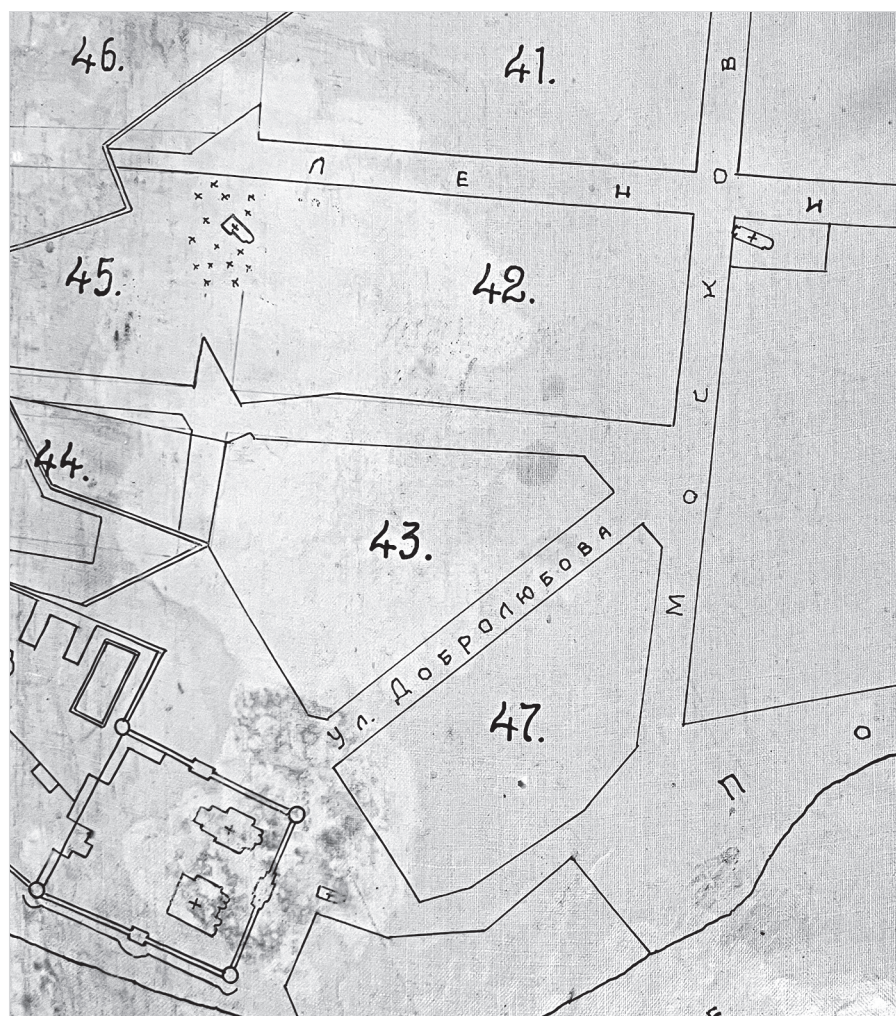

Ил. 11. Новый некрополь у Юрьевской слободы на плане г. Ростова-Ярославского (фрагмент), нач. съемки Ширин, зав. чертежным бюро А. Ивацкий. 1930 г. ГЯЗРК

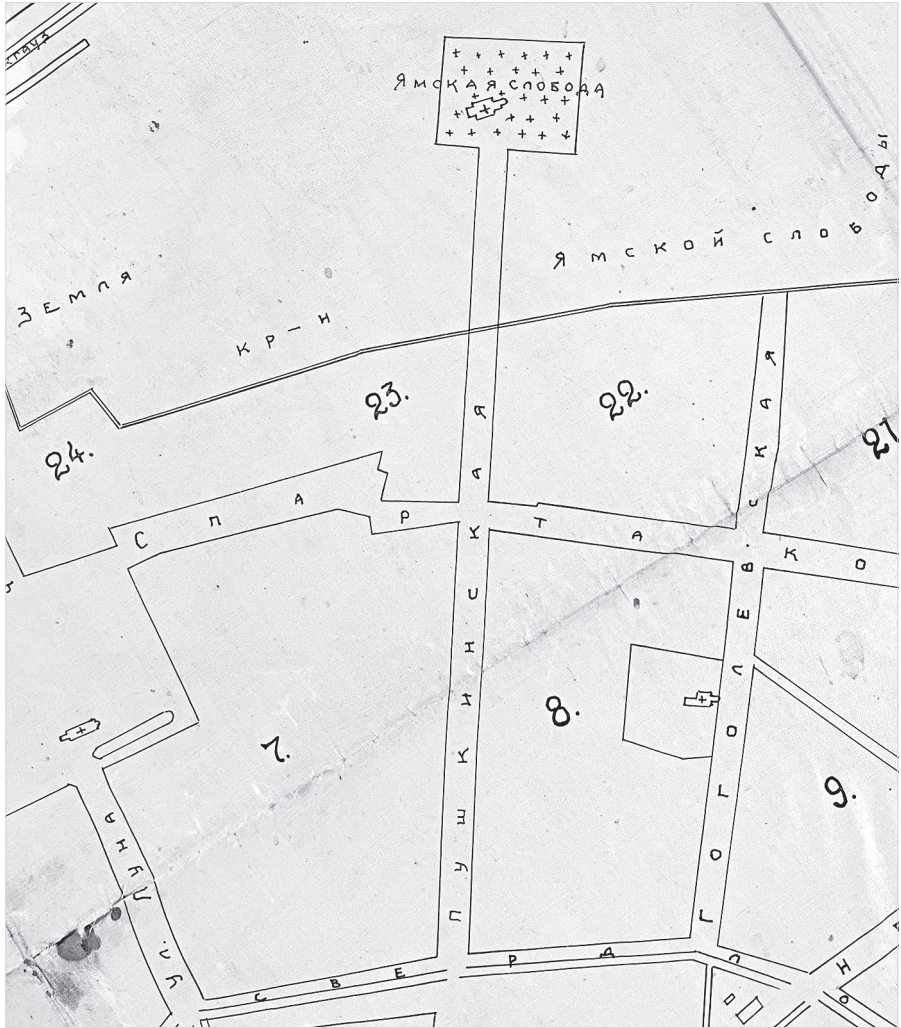

Ил. 12. Местность между новым некрополем у Юрьевской слободы и кирпичным заводом в Варницкой слободе на плане г. Ростова-Ярославского (фрагмент). 1930 г. ГЯЗРК

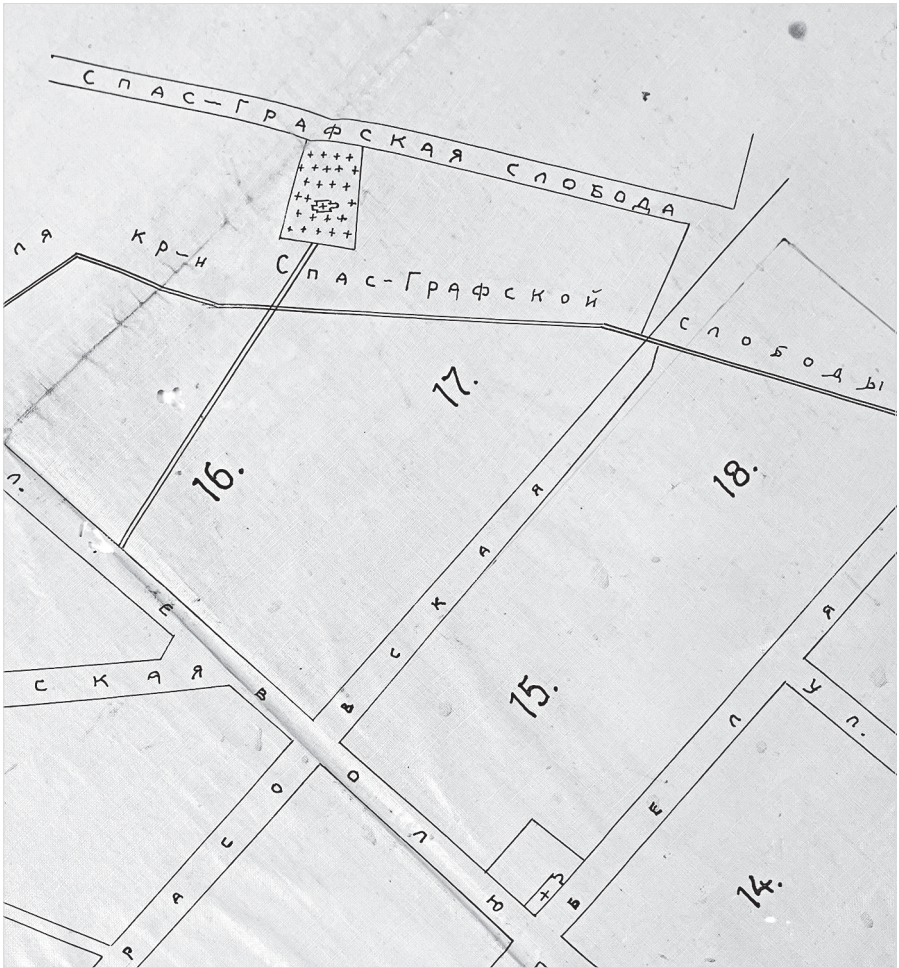
Ил. 13. Николо-Воржищенская церковь с приходским кладбищем между 45 и 42 кварталами у ул. Ленинская на плане г. Ростова-Ярославского (фрагмент). 1920-е гг. ГЯЗРК

Ил. 14. Преображенская церковь с приходским кладбищем за 23 и 22 кварталами в Ямской слободе на плане г. Ростова-Ярославского (фрагмент). 1920-е гг. ГЯЗРК

Ил. 15. Преображенская церковь с приходским кладбищем в Плехановской (б. Ямской) слободе на плане г. Ростова-Ярославского (фрагмент). 1930 г. ГЯЗРК

Ил. 16. Спасская церковь с приходским кладбищем в Спас-Графской слободе на плане г. Ростова-Ярославского (фрагмент). 1920-е гг. ГЯЗРК

Ил. 17. Спасская церковь с приходским кладбищем в Красной (б. Спас-Графской) слободе на плане г. Ростова-Ярославского (фрагмент). 1930 г. ГЯЗРК

Ил. 18. Памятный крест на месте разобранной Спасской церкви, надгробная плита и памятник из черного гранита, вид с северо-западной стороны. 30 апреля 2023 г. Фото автора

Ил. 19. Уцелевший памятник на бывшем Преображенском некрополе, вид с юго-западной стороны. 30 апреля 2023 г. Фото автора

Ил. 20. Памятники некрополя до 1917 г. в Спасо-Яковлевском монастыре у восточной стены, вид с северо-западной стороны. 31 августа 2023 г. Фото автора

Ил. 21. Памятники некрополя до 1917 г. в Петровском монастыре, вид с северо-западной стороны. 1 сентября 2023 г. Фото автора

Ил. 22. Памятники некрополя до 1917 г. в Богоявленском Авраамиевом монастыре, вид с юго-западной стороны. 1 сентября 2023 г. Фото автора